Не сказки Горыныча. Кто мы? (часть 28)

Трасса начала плавно извиваться, постепенно превращаясь в некую асфальтовую змею, свидетельствуя изгибами о приближении к серпантину. Самое время собраться и физически, и психологически к штурму этого финального отрезка пути домой.

Открыв очередную банку энергетика, я крутил в голове липкую мысль, которая не давала мне покоя всю дорогу от Токмака: “Кто я?” Вернее: “Кто МЫ?”

Под обобщающим мы я имею в виду группу гуманитарщиков, которые доставляют на фронт грузы. Которые стали связующим звеном между войной и миром, между бойцами и тыловыми волонтерами. Конечно, с легкостью можно назвать фамилию, серию и номер паспорта каждого, в общем наши персональные данные, которые идентифицируют нас в этом мире, но вопрос, который закручивал мои мысли, был другой формы. Он отправлял мои мысленные изыскания в философские лабиринты, определяющие положение индивидуума в социуме в целом и в конкретной фокус-группе ситуационно в частности. Ну и, конечно же, душевные порывы в извечных поисках ответа на вопросы невольно навевали привкус чеховской степи и каторги Достоевского.

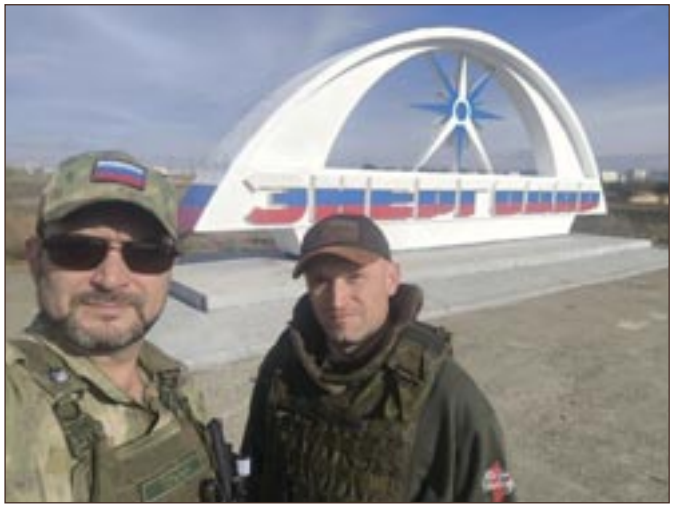
Кто мы?

Какую нишу мы занимаем в эти очередные непростые для России времена? Как мы зафиксированы в нынешней войне, которую почему-то не называют войной? Кто мы для армии, в которой по отчетам все есть? Кто мы для мирных городов и шумных праздников? И каждая наша поездка полностью поглощена этими непростыми вопросами.

Приезжая с грузом к парням на фронт и общаясь с ними на позициях, я вижу и узнаю мир войны без прикрас, без вычурных “ура-патриотичных” ТВ-шоу. Ведя долгие разговоры с бойцами по душам, я погружаюсь в их реальность, переживаю вместе с ними ужасы боев и горечь потерь. Выступая неким психологическим громоотводом для их истерзанных душ, перемешивая горькую окопную правду с песнями под гитару, я выслушиваю и принимаю на себя всю фронтовую грязь и несправедливость, которые парни изливают на меня в непреодолимом желании выговориться. И реализация этого для бойцов чуть ли не первоочередное желание, это для них жизненно необходимо. Сидя с парнями в окопах, блиндажах, полуразрушенных домах и прифронтовых ПВД, я очень многое узнал о штурмах, дронах, кассетах, о мечтах про глоток воды на “ноле”, о беспомощности в попытках вытянуть “трехсотых”… Я проживаю это все вместе с ними…

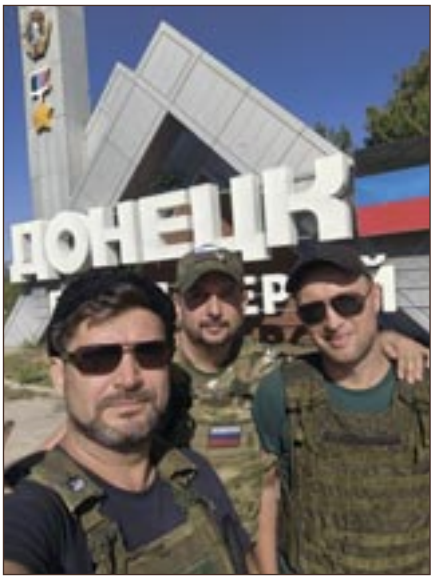
Возвращаясь с фронта домой, я погружаюсь в мирную жизнь. Жизнь, наполненную извечными рабочими моментами и проблемами работников, которые, как всегда, необходимо решать в экстренном порядке. Жизнь, наполненную пробками, магазинами и отдыхающими. А дома ждет вал домашних дел, семейных вопросов и планов на будущее. И эта мирная жизнь, с ее бытовыми заботами и размеренностью, затягивает в круговорот повседневности и уюта.

В итоге, не имея возможности полноценно существовать ни в одном из этих двух миров, мы балансируем между ними, проживая одновременно две жизни, которые разрывают нас. Периодически кто-то из гуманитарщиков теряет этот баланс и скатывается с этой тонкой грани в одну из реальностей. Одни принимают мир войны, подписывая контракт и уходя в окопы, а другие поглощаются миром жизни, прекращая поездки “за ленту”. Те же, кто остается на этой непростой дороге между двумя обочинами-мирами



и сжимает руль, глядя в будущее уставшими глазами, продолжают понемногу сходить с ума, ловя дорогу, которая уходит далеко за горизонт. Мы продолжаем сшивать нашими машинами, как иглой, эти две стремительно расползающиеся и все более противоположные друг другу реальности.

Когда-нибудь, наверное, психологи выведут некий синдром гуманитарщика, опишут наши душевные терзания и оформят это в научные труды и клиническую практику, где будет все по полочкам и будут ответы на все вопросы. А пока мы сами их ищем, переворачивая свои души в долгих поездках, разрывая их на лоскуты и сшивая заново.



Кто мы?

Для мирных граждан мы сумасшедшие, которые бесплатно едут на войну. Для бойцов мы спасительные круги, которые привозят драгоценные грузы, спасающие их жизнь. Для государства нас вовсе нет. Мы какие-то непонятные гражданские активисты, которые зачем-то едут на свой страх и риск на фронт, хотя потребности в этом нет… Свет наших фар не видно ни из окон мирно спящих многоэтажек, ни из чиновничьих кабинетов. Но и наших житейские заботы не видят бойцы в окопах и блиндажах.

Однажды жена, видя мои терзания, сказала: “Вы не участники войны, но и не мирные гражданские. Вы свидетели этих непростых времен! Вы не участвуете в боях, но и не стоите в стороне. Вы видите эти два мира своими глазами!”

Наверное, она права. Она у меня мудрая женщина.

Серпантин извивался, как змея, готовящаяся к броску. Допив банку энергетика, я посмотрел на навигатор. До дома оставалось 150 километров, которые растянутся на долгие пять часов…